

A digital illustration of a young woman with long, straight blonde hair sitting on a bed. She is wearing a white tank top and dark jeans, looking thoughtfully out of a window. The room is dimly lit with warm, orange light from the window. On a wooden table next to the bed, there is a smartphone displaying a white arrow icon and the word 'NEXT', a pen, and an open book. A potted cactus sits on the windowsill. The overall mood is contemplative and intimate.

НИКА ЛАНСКАЯ

ЭПЮРА
ЖЕЛАНИЙ

ЧАСТЬ I ИЗ V • ТОЧКА ОТСЧЁТА

18+

Ника Ланская

**Эпюра желаний. Часть
I из V - Точка отсчёта**

«Автор»

2026

Ланская Н.

Эпюра желаний. Часть I из V - Точка отсчёта / Н. Ланская —
«Автор», 2026

Насте девятнадцать. Она учится в строительном вузе, танцует и привыкла всё выдерживать: тяжёлые нагрузки, чужие ожидания и отношения, в которых слишком долго старалась быть хорошей и удобной. Но в один день привычная жизнь перестаёт складываться в прежнюю конструкцию. Так она оказывается в Next — закрытом приложении, где о личных границах и желаниях говорят прямо. Здесь Настя впервые позволяет себе то, о чём раньше боялась даже подумать. Но чем больше возможностей открывается перед ней, тем сложнее понять, чего она хочет на самом деле. «Эпюра желаний» — современный эротический психологический роман о поиске себя, личных границах и зависимости от чужого взгляда. «Точка отсчёта» — первая из пяти частей единого романа.

© Ланская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Накануне	6
Глава 1. Годовщина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ника Ланская

Эпюра желаний. Часть I из V - Точка отсчёта

От автора

Это мой дебютный роман.

Я писала эту историю для себя, в свободное время, без особых планов. Но постепенно история Насти становилась всё больше: появлялись новые герои, сюжетные линии, вопросы, на которые мне самой хотелось найти ответ. В итоге получилось большое произведение, которым мне захотелось поделиться с другими.

Роман «Эпюра желаний» состоит из пяти частей. Каждая из них важна по-своему и посвящена отдельному этапу пути Насти, но вместе они складываются в одну цельную историю. Черновик романа полностью написан; перед выходом я провожу финальную редактуру каждой главы.

Важно сказать сразу: в романе много откровенной эротики и подробных сексуальных сцен. Если такой контент вам не близок или вызывает дискомфорт, возможно, эта история вам не подойдёт.

Но для меня «Эпюра желаний» — не только роман о сексе. Это история о желаниях и личных границах, о попытке услышать себя, перестать жить чужими ожиданиями и понять, чего ты хочешь на самом деле.

Все герои, участвующие в романтических и сексуальных сценах, совершеннолетние.

Спасибо, что решили открыть эту историю. Буду рада честным и бережным отзывам.

Новости о проекте:

Telegram: t.me/epurazh

Пролог. Накануне

Вечером перед годовщиной они гуляли по набережной. День был тёплый, почти летний, и над водой ещё долго держался свет. В реке дрожали отражения фонарей, от нагретого камня пахло пылью и водой, и Москва казалась Насте большой, взрослой и почему-то доброй.

Олег шёл рядом, держа Настю за руку, и рассказывал что-то про одноклассника, который «вообще не умеет жить» и снова завалил зачёт. Он раздавал такие оценки уверенно, почти лениво, будто мир был устроен просто: кто справляется — молодец, кто нет — сам виноват.

Настя слушала, улыбалась, иногда кивала. Ей нравилось просто идти рядом с ним. После школы, после переезда, после двух московских лет само это «рядом» казалось доказательством: они выдержали.

Иногда ей казалось, что если она не будет усложнять, не станет задавать лишних вопросов, не начнёт требовать слишком многого, то всё у них получится. Олег любил, когда с ней не нужно было ничего выяснять. Настя научилась быть лёгкой.

— Мы сможем увидеться завтра? — спросила она.

— Вечером точно, — сказал Олег. — Днём, может, дела будут.

— Какие дела?

— Да так. Разберусь.

Он сказал это легко, не глядя на неё. Настя хотела спросить ещё, но передумала. Она уже знала эту грань: ещё один вопрос — и она станет навязчивой. Не в его словах — в них почти никогда не было ничего прямого. Просто в паузе, во взгляде, в коротком смешке, после которого ей самой становилось неловко за желание знать больше.

Завтра всё равно будет их день. Она уже решила.

У перехода Олег остановился и внимательно посмотрел на неё:

— Ты какая-то загадочная.

— Потому что завтра наша годовщина.

— Я помню.

— Надеюсь.

— Ну обижаешь.

Она улыбнулась и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его. Он ответил быстро, почти рассеянно, но Настя всё равно поймала себя на улыбке.

Ей хотелось верить, что в этот раз он наконец увидит в ней не удобную отличницу, не «хорошую Настю», а женщину. Не ту, которую можно похвалить за терпение и понятливость, а ту, которую хотят.

— Завтра тебя ждёт сюрприз, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал игриво.

Олег заинтересованно прищурился.

— Какой?

— Если скажу, это уже не будет сюрприз.

Он рассмеялся и сжал её талию, а потом коротко, играючи шлёпнул её пониже спины — по-хозяйски, будто уже что-то знал наперёд. Настя ойкнула, невольно выпрямилась и почувствовала, как щёки заливает краской. От этого простого жеста она будто стала заметнее, взрослее, ближе к той версии себя, которую хотела завтра ему показать.

— Смотри, я теперь буду ждать, — сказал он и снова усмехнулся, словно уже угадал, о каком сюрпризе речь.

Настя думала о том, что приготовила для него.

А на самом деле, сама того не зная, прощалась с последним вечером, когда ещё верила, что их будущее можно удержать.

Глава 1. Годовщина

Настя проснулась раньше будильника.

Сначала она не открывала глаз, просто лежала на узкой кровати и слушала, как за стеной кто-то глухо кашлянул.

Сегодня была их годовщина. Ровно три года.

Она повторила это про себя и почувствовала, как внутри что-то откликнулось: не радостью даже, а напряжённым, почти болезненным ожиданием. Будто эта дата была не просто числом в календаре, а дверью, у которой она давно стояла, держась за ручку и не решаясь нажать.

На соседней кровати спала Кристина. Она лежала, отвернувшись к стене, с одеялом, натянутым почти до уха. Из-под подушки торчал провод от зарядки.

Кристина была старше на три года и училась на пятом курсе. Их поселили вместе случайно: мест не хватало, комнаты тасовали как могли. Насте, второкурснице, сначала было неловко из-за разницы в возрасте. Она ждала, что старшекурсница будет смотреть на неё свысока, но Кристина оказалась другой — резкой на язык, насмешливой, зато удивительно надёжной. Она знала, где брать справки, каких преподавателей лучше не злить, на какие пары нельзя опаздывать и почему технические предметы нельзя запускать с первой недели. У неё были густые каштановые кудри почти до лопаток, обычно собранные кое-как, чтобы не лезли в лицо, и внимательные тёмно-карие глаза, в которых любая глупость мгновенно становилась заметна.

Именно Кристина первой сказала ей, что в их вузе нельзя долго жить на школьной привычке быть отличницей. Здесь мало было стараться. Нужно было понимать, где в задаче настоящая нагрузка, на что можно опереться и как маленькая ошибка потом рушит весь расчёт. Настя тогда засмеялась: слишком серьёзно звучало для первой недели. Но запомнила.

Настя осторожно села.

Комната была маленькая, но за два года она успела к ней привыкнуть. Две кровати, два стола, общий шкаф, пластиковый подоконник, на котором стояли кружки и маленький кактус Кристины. У Насти на стене висело расписание на семестр, распечатанное и исписанное карандашом. Напротив трёх предметов уже стояли аккуратные галочки: «автомат». Ещё несколько зачётов и экзаменов оставались впереди, но она знала, что справится.

На «Строительство уникальных зданий и сооружений» она поступила почти спокойно — насколько вообще можно спокойно идти на специальность, где конкурс ощущался ещё до подачи документов. Баллы ЕГЭ у неё были хорошие, но решающей стала олимпиада. Настя выиграла её в одиннадцатом классе и получила право поступить без той лихорадочной паники, с которой одноклассники считали каждый балл.

Мама тогда плакала от гордости, папа несколько дней ходил по квартире с таким видом, будто лично построил мост через пролив. Олег шутил, что теперь у него будет девушка, которая сможет рассчитать ему дом, если он когда-нибудь разбогатеет.

Настя смеялась. Ей нравилось, что всё складывается правильно: Москва, сильная специальность, серьёзный вуз, Олег рядом. Казалось, будущее уже начало собираться в понятную конструкцию.

Она всегда справлялась.

В школе. На танцах. С переездом в Москву. С общежитием и чужим городом. Даже с преподавателями, которые говорили так, будто первокурсники должны были родиться с пониманием теоретической механики, — она выдерживала и это.

Ей нравилось быть человеком, на которого можно положиться. В этом было что-то надёжное и понятное: если она всё сделает как надо, если не подведёт, если выдержит, значит, её не разлюбят. Так, как ей казалось, устроены конструкции. И люди — тоже.

С тех пор как у Олега появилась отдельная квартира, Настя ждала, что он сам предложит ей переехать к нему. Не потому, что ей негде было жить, и не потому, что общежитие было невыносимым. Просто ей казалось: если он позовёт, значит, всё по-настоящему. Значит, они уже не школьники, которые держались за руки после уроков и целовались в подъезде, пока кто-нибудь не спустился по лестнице. Значит, они пара. Взрослая. Будущая семья.

Спросить прямо она не решалась. Олег не любил, когда на него давили. Он мог улыбнуться, поцеловать её в лоб и сказать: «Ну началось». Ничего страшного, даже ласково. Но после этого Настя чувствовала себя глупой девочкой, которая слишком рано захотела слишком многого.

Олег был её первым во всём.

Они были вместе ещё со старших классов. Он первым проводил её домой, первым сказал, что любит. Перед выпускным поссорились из-за какой-то глупости, и Настя тогда плакала почти всю ночь — представить поступление, Москву, будущее без него было невозможно. Потом она помогала ему готовиться к экзаменам: решала варианты, объясняла математику, заставляла переписывать сочинения. Олег злился, ленился, смешил её, обнимал сзади, пока она проверяла его задачи, и говорил:

— Если поступлю, это будет только из-за тебя.

Он поступил. Не на её направление, конечно. Для строительного проектирования ему не хватило ни терпения, ни особого интереса. Но в тот же вуз. И Настя тогда была счастлива так, будто это доказывало: всё у них правильно. Всё выдержало.

Она поднялась с кровати и подошла к зеркалу на дверце шкафа.

В отражении была тонкая светловолосая девушка с сонным лицом, голыми плечами и длинными волосами, которые тяжёлой волной падали почти до бёдер. Настя разглядывала себя внимательно, даже строго, как смотрела перед выступлениями: линия шеи, плечи, живот, бёдра, колени. Танцы приучили её видеть тело не целиком, а по частям — что держит форму, что выдаёт усталость, где нужно подтянуться. Она знала своё тело точно, почти профессионально, но сегодня пыталась увидеть в нём не только инструмент.

И смотрела иначе.

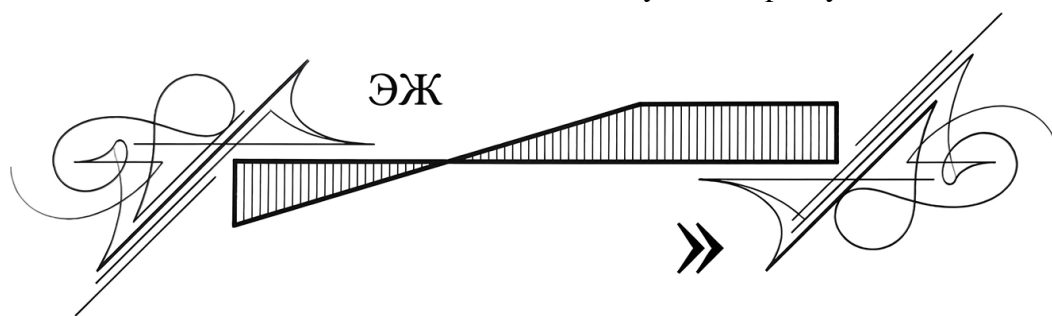
Ей хотелось увидеть не отличницу, не второкурсницу, не девочку, которую Олег знал со школы. Хотелось увидеть женщину. Не правильную, не удобную, не заслужившую похвалу, а желанную.

«Сегодня всё изменится», — прошептала она своему отражению.

Она сказала это слишком тихо, будто боялась спугнуть собственную смелость.

Кристина во сне что-то пробормотала и натянула одеяло выше. Настя замерла, прислушиваясь, но соседка только перевернулась на другой бок.

— С годовщиной, — едва слышно сказала Настя уже не зеркалу, а комнате.

Она хотела, чтобы сегодня всё было иначе. Не так, как всегда.

А всегда было примерно одинаково. Настя думала об этом спокойно, без обиды — просто как о факте. Они давно были вместе, и секс между ними шёл по привычному, накатанному кругу: Настя заранее знала каждый шаг.

Вот и неделю назад было так же. Она приехала к нему вечером, после консультации, уставшая, с гудящей от чертежей головой. Олег встретил её в хорошем настроении, обнял, поцеловал, и она сразу поняла, чего он хочет. Она всегда это понимала — по тому, как он клал руку ей на поясницу, как вёл в комнату, не выпуская.

Она не была против — во всяком случае, именно так она себе это объясняла. Настя разделась, легла, и всё пошло привычно — знакомо, по одному и тому же порядку. Олег двигался над ней, прикрыв глаза, ушедший куда-то в себя, и Настя вдруг поймала себя на том, что смотрит в потолок.

На потолке, у самого карниза, шла тонкая трещина. Настя разглядывала её и машинально прикидывала: усадка, наверное; дом новый, бетон ещё «дышит». Профессиональная мысль пришла сама собой, некстати, и ей стало почти смешно и почти стыдно: она лежит под своим парнем и оценивает трещину на потолке. Но самое неприятное было не в этом. А в том, что она делала так не впервые. За эти минуты она успевала уплыть в мысли об учёбе, чертеже, завтрашних делах — а тело в это время само знало, какую роль от него ждут.

Она знала, какую реакцию от неё ждут: когда чуть прогнуться, когда сжать пальцы на его плече, когда выдохнуть громче. Она делала это не потому, что хотела, а потому что так он оставался доволен. Так он не спрашивал, всё ли в порядке. Так было проще для всех. Она была хорошей девочкой и здесь тоже. Правильной. Удобной.

— Тебе хорошо? — спросил он, не открывая глаз.

— Да, — сказала Настя.

Это была её обычная ложь — маленькая, привычная, почти ласковая. Она давно перестала считать её ложью. Просто так было надо.

Олег кончил быстро, выдохнул ей в плечо и почти сразу перевернулся на спину. Настя лежала рядом, глядя в тот же потолок, в ту же трещину, и чувствовала не удовольствие, а что-то похожее на облегчение оттого, что всё закончилось и прошло хорошо. Прошло правильно.

Потом он повернулся к ней, провёл ладонью по её бедру, по ягодице — лениво, по-хозяйски.

— Слушай, — сказал он. — Ну ты подумала?

Настя знала, о чём он. Он заговаривал об этом уже не первый раз — то в шутку, то всерьёз, то подловив момент, когда ей было неудобно отказать. О том, что он давно хочет попробовать с ней «по-другому». Сзади. Он говорил об этом так, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся: нормальные девушки давно не делают из этого проблему, а она почему-то упрямится.

— Олег, — тихо сказала она. — Я же говорила.

— Ну а что такого? — Он приподнялся на локте. — Все давно спокойно к этому относятся. А ты каждый раз как маленькая.

Настя молчала. Она вспомнила, как однажды девчонки в общежитии обсуждали это — со смешками, с ужасом, с историями «одна знакомая попробовала и потом неделю...». Вспомнила, как из любопытства и тревоги смотрела ночью медицинские ролики, где спокойный голос объяснял, почему нельзя торопиться и как важно не делать ничего через силу. Тогда ей стало страшно и гадко, и она решила: нет. Это не её. Она не будет.

— Мне просто... — Настя не знала, как объяснить. — Мне немного страшно. И я читала, что это может быть больно, если неправильно...

— Со мной не будет, — перебил он с усмешкой. — Я же аккуратно.

Она не поверила ему. Но спорить не стала.

— Ладно тебе, — сказал Олег мягче, притягивая её к себе. — Я же не заставляю. Просто хочется, чтобы ты хоть иногда была смелее. А то с тобой всё как по учебнику.

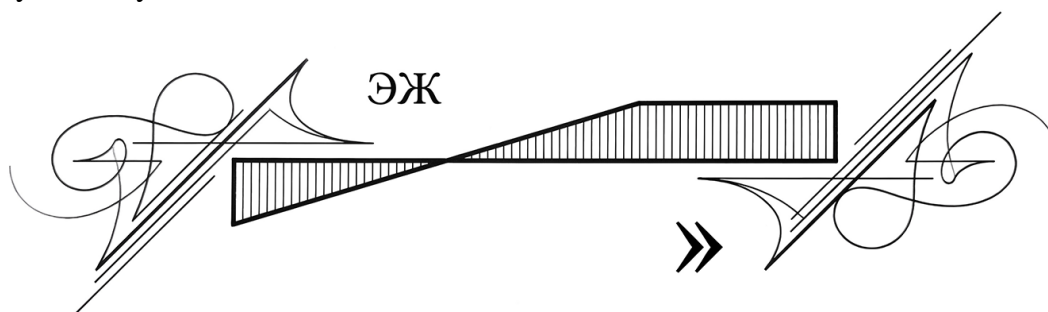
Как по учебнику.

Эти слова остались с ней. Настя лежала, уткнувшись ему в плечо, и чувствовала, как внутри поднимается знакомое, тошнотворное чувство: она опять недостаточно хороша. Слишком правильная. Та, с кем спокойно, удобно и скучно.

И где-то там, под этим стыдом, зародилась мысль — тихая, но настойчивая. Раз он этого хочет. Раз именно этого ей не хватает, чтобы стать для него желанной, а не просто удобной. Значит, она сделает. Сама. Не дожидаясь, пока он снова попросит. Она придёт и удивит его — уже готовую, уже смелую. И тогда он наконец посмотрит на неё иначе.

Она решила это не ради себя. Настя честно попыталась убедить себя, что ради себя, — но глубоко внутри знала правду. Она решила это ради него. Чтобы он был доволен. Чтобы не спрашивал больше, всё ли с ней так. Чтобы остаться той, которую не хочется отпускать.

Через день она открыла приложение маркетплейса и вбила в поиск слова, от которых у неё сразу вспыхнули щёки.

Настя отошла от зеркала и достала из ящика стола небольшую коробочку. Внутри лежали две силиконовые пробки — гладкие, телесного цвета: одна совсем маленькая, не больше её большого пальца, вторая заметно толще, — и тюбик смазки на водной основе.

Всё это она выбирала не наугад. После того вечера Настя снова открыла те самые ролики, что когда-то напугали её, но теперь смотрела иначе — внимательно, до конца, как готовилась бы к трудному экзамену. Спокойный голос объяснял: торопиться нельзя, начинать нужно с малого, тело должно привыкнуть постепенно, а смазки должно быть больше, чем кажется достаточным. Настя запоминала это так же старательно, как конспектировала лекции: не перескакивать этапы, не терпеть острую боль, не считать страх доказательством слабости.

Она заказала всё с доставкой в пункт выдачи, долго выбирала тот, что был подальше от общежития, и всё равно краснела, когда забирала маленький непрозрачный пакет.

Даже здесь она осталась собой — правильной и старательной. Даже смелость она пыталась освоить как предмет: прочитать, понять, выполнить без ошибки. Настя поймала себя на этой мысли и невесело усмехнулась: если бы Олег знал, он бы, наверное, опять сказал, что с ней всё слишком по правилам. Но она гнала эту мысль. Главное — результат. Сегодня она его удивит.

На соседней кровати зашевелилась Кристина.

— Ты чего с утра такая радостная? — сонно спросила она, приподнимаясь на локте. Потом окинула Настю взглядом и усмехнулась:

— Праздник какой-то, что ли?

Настя почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— У нас с Олегом годовщина, — сказала она после короткой паузы.

Кристина окончательно проснулась, села и улыбнулась уже без насмешки:

— Три года, да? Ничего себе. Поздравляю.

— Спасибо, — тихо ответила Настя.

— Ладно, я в душ, — Кристина потянулась. — Если через полчаса не вернусь, считай, меня опять победили волосы.

Это была старая шутка: меньше получаса Кристина в общей душевой почти никогда не проводила. Сначала душ, потом крем, фен, волосы, одежда, ещё раз зеркало в конце коридора. С её кудрями иначе всё равно не получалось.

Она сгребла с тумбочки косметичку, полотенце и чистую футболку, кивнула Насте и вышла.

Настя осталась одна — и почти сразу поняла, что всё равно не сможет сделать это здесь. Даже зная, что Кристина нескоро вернётся. Слишком близко чужая кровать, чужие вещи, тонкая дверь, за которой в любой момент могли раздаться шаги.

Она быстро сунула маленькую пробку и смазку в косметичку, взяла полотенце и вышла в коридор.

Душевая находилась в самом конце этажа. Ряд кабинок за пластиковыми дверцами, влажный кафель, запах шампуня и стирального порошка. Обычно утром там было тесно, и сегодня Насте повезло: свободной оставалась только одна кабинка — в самом конце.

Настя быстро прошла в свободную кабинку, закрылась изнутри и поставила косметичку на узкую пластиковую полку. Несколько секунд она просто стояла, прижав ладони к прохладной двери.

Из соседней доносилось негромкое напевание. Кристина, судя по всему, уже успела включить воду и была в хорошем настроении.

Сердце билось так быстро, будто она собиралась сделать что-то гораздо страшнее, чем на самом деле.

Холодная, скользкая жидкость коснулась её кожи. Она не спешила — всё, как в тех роликах: сначала просто привыкнуть к прикосновению. Она осторожно смазала маленькую пробку и медленно ввела её, прислушиваясь к себе.

Сначала мышцы сжались, инстинктивно пытаясь вытолкнуть чужеродное, но потом благодаря смазке и её терпеливой настойчивости постепенно поддались. Пробка мягко вошла внутрь.

Настя замерла, прислушиваясь к себе. Она ждала боли или хотя бы неловкого дискомфорта — того самого, из-за которого столько раз говорила «нет». Дискомфорт был, но не такой, как она боялась. Вместе с неловкостью пришло другое ощущение — глубокое, непривычное, отзывавшееся где-то ниже живота и в пояснице.

Настя невольно задержала дыхание. Она столько времени была уверена, что это не про неё, что тут нечего искать, кроме терпения ради Олега, — а тело вдруг ответило иначе.

«Неужели... может понравиться?» — мелькнуло у неё, и она смутилась от собственной мысли.

За тонкой перегородкой кто-то запел громче, потом плеснула вода. Настя вздрогнула, быстро привела себя в порядок и спрятала пробку и тюбик обратно в косметичку.

Когда она вышла в коридор, Кристина всё ещё была в душе. Настя быстро вернулась в комнату, стараясь не смотреть в сторону душевой, и взглянула на телефон. Восемь утра.

По расписанию у неё сегодня стояли две пары, но оба предмета она уже закрыла автоматом. Формально она ничего не прогуливала.

По термеху автомат ей, конечно, не светил — у Мельникова автоматы вообще считались городской легендой. Зато расчётно-графическую работу Настя защитила блестяще: у доски спокойно объяснила расчёт, ответила на все вопросы и даже не растерялась, когда он нарочно ткнул пальцем в самое слабое место схемы.

Денис Аркадьевич посмотрел на её лист, хмыкнул и сказал:

— Вот так и надо. Не формулу вспоминать, а сначала понять, на чём всё держится.

Настя потом весь вечер ходила довольная, хотя Кристина сказала, что радоваться похвале Мельникова — почти студенческая форма зависимости.

Она достала одежду, приготовленную с вечера. Чёрная кожаная мини-юбка едва прикрывала ягодицы. Трусы Настя сознательно не надела: ей хотелось чувствовать себя открытой и смелой, даже если от этой мысли сводило живот. Вместо лифчика — белый топ без бретелек, лёгкий, почти прозрачный, через ткань которого отчётливо проступали очертания её сосков. В руках всё это вечером казалось дерзким и красивым. На теле — почти опасным. Она выпрямилась и сделала шаг к зеркалу. Снаружи ничего не было видно. Внутри осталось новое ощущение наполненности — и робкое, ещё не оформившееся любопытство.

Взглянула в зеркало — и на секунду не узнала себя.

«Шлюха», — чужим голосом мелькнуло в голове.

Она даже испугалась на секунду. Будто это слово сказал кто-то рядом. Потом тряхнула головой, и её длинные волосы взметнулись.

«Нет, — сказала она себе твёрдо. — Я не делаю ничего грязного. Я просто хочу прийти к нему такой, какой сама себя ещё не видела».

Она взяла сумку, в которую положила вторую, более крупную пробку, и уже потянулась к ручке двери, но за окном вдруг коротко стукнуло по подоконнику.

Настя обернулась. По стеклу прошла первая тонкая дорожка дождя — слабого, летнего, почти случайного.

Она посмотрела на куртку, висевшую на спинке стула, и почувствовала почти смешное облегчение. Значит, можно надеть её и не объяснять себе, зачем она нужна. Просто дождь.

Настя накинула лёгкую куртку, застегнула её не до конца и только после этого вышла за дверь.

В коридоре общежития было тихо. Студенты ещё спали или готовились к парам. Настя спустилась по лестнице и вышла на улицу.

Дождь оказался совсем слабым, едва невесомым. Он только прибил пыль к асфальту и сделал воздух свежее. Прохладный утренний воздух коснулся её обнажённых ног, и она поёжи-

лась — от холода, от волнения и от странного облегчения, что куртка теперь выглядела не слабостью, а предусмотрительностью.

Она ехала в метро, стоя у двери и держась за поручень. Люди входили и выходили, кто-то листал телефон, кто-то спал, прислонившись к стеклу. В вагоне пахло влажной одеждой, кофе из перехода и тёплой человеческой кожей — обычное московское утро начала лета. Кто-то ругался в телефон вполголоса; поезд дёрнулся и потащил вагон дальше по тёмному тоннелю.

Настя чувствовала, как пробка внутри неё давит при каждом движении поезда. Она сжимала ягодичы, и это тайное ощущение отзывалось внутри лёгкой пульсацией. Ей казалось, что все вокруг могут догадаться: женщина с телефоном, мужчина в наушниках, школьник с рюкзаком.

Никто не замечал.

Настя чуть не фыркнула: ещё пару дней назад она краснела, забирая в пункте выдачи непрозрачный пакетик и пряча его в рюкзак, будто контрабанду. А теперь ехала через полгорода без трусов, в юбке настолько короткой, что она едва ли была длиннее широкого ремня, — и хоть бы одна живая душа обернулась. Мир, оказывается, был поразительно занят своими делами.

Столько лет она думала, что люди замечают каждую её ошибку, каждую лишнюю складку на юбке, каждую слишком громкую мысль. Оказалось, чтобы стать тайной, иногда достаточно просто ехать в утреннем метро и не смотреть никому в глаза.

Под короткой юбкой, под спокойным лицом, под привычной Настей происходило что-то запретное и взрослое. Она думала о том, как сегодня Олег увидит её, поймёт, что она решилась, что она больше не девочка, которую можно целовать вполсилы и откладывать на потом.

Ей было страшно — но страх не тянул назад. Наоборот, заставлял идти быстрее.

Она вышла из метро и пошла к его дому. Родители Олега жили в их родном городе, а в Москве снимали ему отдельную квартиру в новом жилом комплексе. Панорамные окна, охрана во дворе, огромная кухня, своя стиральная машина — всё это до сих пор казалось Насте почти неприличной роскошью после комнаты на двоих в общежитии. После дождя двор блестел чистой плиткой, кусты у подъезда были мокрыми и ярко-зелёными, а панорамные окна дома отражали светлое небо. Настя вспомнила, как впервые пришла сюда три месяца назад, почти сразу после того, как родители сняли Олегу эту квартиру, и была поражена: отдельная спальня, простор, тишина, возможность не делить каждую полку и каждый метр с кем-то чужим. Контраст с её комнаткой на двоих в общежитии был разительным. Она тогда подумала: «Может быть, он пригласит меня жить сюда?» Но он не пригласил. Он дал ей ключи, сказал: «На всякий случай».

Тогда Настя не спросила, что именно он имеет в виду. Ей хватило того, что ключ оказался у неё на ладони.

Эти ключи она тогда приняла почти как обещание. В общежитии ключ от комнаты означал только, что тебе есть куда вернуться до отбоя. Его ключ лежал у неё в сумке иначе — тяжёлый, гладкий, почти взрослый. Настя слишком долго путала право открыть дверь с приглашением остаться.

Она подошла к подъезду, достала ключи и открыла дверь. В лифте она смотрела на своё отражение в зеркальной стене, поправляя волосы и юбку. «Он будет удивлён, — думала она. — Я приду без предупреждения, в такой одежде... Он поймёт, что я решилась».

Она открыла дверь в квартиру и шагнула внутрь.

Тишина. Квартира была пуста. Олега не было.

Настя выдохнула — с облегчением и разочарованием одновременно. Она разулась, убрала обувь в тумбочку и прошла в комнату. Куртку сняла уже там, будто вместе с ней сбрасывала последнюю осторожность, и повесила на спинку стула. Здесь всё было так же, как всегда:

большая кровать с идеально заправленным бельём, дорогая мебель, книги на полках. Огромный шкаф с зеркальными дверями удваивал пространство.

В комнате Олега она остановилась перед зеркалом и задержала дыхание: короткая юбка, открытые плечи, распущенные волосы. Здесь, в комнате Олега, она выглядела ещё откровеннее, чем в общежитии. Не как студентка, которая спешит на пары. Не как девочка из хорошей семьи. Как девушка, которая пришла к мужчине и знает зачем.

Настя медленно провела ладонью по волосам, убирая их назад.

— С годовщиной, — сказала она себе.

И вдруг ей стало легче.

Она не обязана быть прежней. Не сегодня. Не всегда. Олег хотел видеть её смелее — и она пришла такой. Но, глядя на себя, Настя впервые подумала: возможно, дело уже не только в нём. Ей самой хотелось узнать, какой она может быть, если перестанет ждать разрешения.

Она медленно провела пальцами по ключицам, опускаясь ниже. Коснулась соска через тонкую ткань топа — и почувствовала, как он мгновенно затвердел. Она подняла край, обнажая грудь. Розовые соски уже напряглись от её прикосновения. Она сжала левую грудь ладонью, потом правую; от собственного прикосновения живот мягко свело, а дыхание стало глубже.

Она повернулась спиной к зеркалу, прогнулась и заглянула через плечо. Ей хотелось думать, что она выглядит именно так, как задумала: смело, красиво, почти незнакомо самой себе. В зеркале были её бёдра, прогнутая спина, округлые ягодицы и тонкая полоска кожи между краем юбки и телом. Собственное отражение казалось ей откровенным до дрожи — и это только укрепляло её в мысли, что назад пути нет.

Настя подняла юбку. Лобок был гладко выбрит, и она провела пальцами по чувствительной коже.

Коснулась половых губ, раздвинула их. Они были влажными — тело уже готовилось. Коснулась клитора — коротко, почти пробуя себя, — и вздрогнула. Закрыла глаза и представила Олеговы ладони на своих ягодицах, его дыхание у шеи, то, как он остановится на секунду, прежде чем войти в неё сзади.

Настя начала мастурбировать, водя пальцами по клитору круговыми движениями, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Вторая рука сжимала её ягодицу, массируя её, раздвигала половинки. Она тихо, почти беззвучно застонала.

Но потом она остановилась.

Всё шло по плану, по инструкции: маленькая пробка сделала своё дело — за дорогу тело привыкло, расслабилось, перестало сжиматься от каждого движения. Теперь можно было перейти к той, что побольше.

Настя аккуратно, медленно извлекла первую — и на мгновение ощутила странную, непривычную пустоту. Достала из сумки вторую, толще, щедро смазала её, как учили — смазки должно быть много, — и, раздвинув ягодицы, приставила к уже податливому входу. Она не торопилась, вводила её постепенно, прислушиваясь к каждому миллиметру.

Эта пробка была заметно толще, и ощущение оказалось куда сильнее — на грани между дискомфортом и чем-то ещё. Настя закусила губу. Растяжение отзывалось болью, но вместе с ней пришло то же глубокое, странное ощущение, которое удивило её утром. От этой смеси у Насти перехватило дыхание. Она ввела её до основания, осторожно, без рывка, и замерла, привыкая.

Тело гудело — незнакомо, тревожно, но не отвратительно. Совсем наоборот. И это пугало её сильнее всего: она готовилась терпеть ради него, а выходило, что ей самой начинает хотеться продолжить.

Теперь она чувствовала себя по-настоящему готовой.

И всё равно главным оставался не этот жар, не новая смелость и даже не собственное отражение. Главным было то, что сейчас придёт Олег и увидит её такой.

Телефон в сумке завибрировал. Настя вздрогнула, будто её поймали. Она поправила юбку, одёрнула топ и, стараясь дышать ровно, достала телефон. Сообщение от Олега: «С добрым утром, любимая. С нашим днём. Как спала?» Она смотрела на экран и улыбалась. Пальцы сами набрали: «Хорошо. А ты?» Она посмотрела на сообщение, потом стёрла его. Пусть лучше увидит её сам — когда войдёт.

Она улыбнулась так, будто уже видела его лицо в тот момент, когда он поймёт.

И в этот момент за дверью раздались шаги.

Настя замерла. Сначала обрадовалась так резко, что выдохнула вслух. Вот он. Сейчас войдёт. Сейчас всё начнётся.

Потом послышался женский смех.

Не где-то в подъезде — у самой двери.

Смех был короткий, близкий, слишком свободный. За ним — голос Олега, приглушённый, довольный.

Настя не сразу поняла. Тело среагировало раньше мысли. Она схватила сумку, оглянулась, будто в комнате могло появиться объяснение, и шагнула к шкафу. Дверь в прихожей щелкнула замком. Она не могла выйти к ним сейчас — не такая, не с этой сумкой в руках, не после всего, на что решилась утром. Она скользнула внутрь шкафа, за висящие куртки и рубашки, потянула дверцу на себя, оставив узкую щель. Сердце билось так громко, что ей казалось: оно выдаст её раньше, чем она успеет понять, от кого именно прячется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.